

ЮНКЕР-КРАМСКАЯ А. Ф. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

ЮНКЕР-КРАМСКАЯ Софья Ивановна, родилась в 1866 в Санкт-Петербурге. Дочь художника Ивана Николаевича Крамского. В 1886-1888 — училась в Академии художеств в Санкт-Петербурге. Стала признанной портретисткой, была осыпана заказами; участница выставок в Академии художеств (1888-1892, 1894, 1897-1899), в Обществе живописцев-акварелистов (в 1895-1896, 1900), Всероссийской выставки в Нижнем Новгороде (в 1896), в Обществе художеств в Санкт-Петербурге (в 1907-1910, 1912-1913). Вышла замуж за юриста Германа Юнкера, помогала мужу в работе над книгой "История декабристов", с 1916 — вдова. С 1918 — работала в художественно-реставрационных мастерских Главнауки. Организатор антирелигиозного музея Зимнего дворца. Иллюстратор "Истории религии" в издательстве "Атеист". Помогала своим знакомым, бывшим, устроиться на работу, пусть с самым скромным жалованьем, достать переводы, уроки, перепечатку на машинке, чтобы они могли выжить. 25 декабря 1930 — арестована, обвинялась «в создании контрреволюционной группировки из бывшей знати, ставившей себе целью проведение своих людей в разные советские учреждения на службу для собирания сведений о настроениях». Приговорена как «чуждый элемент» к 3 годам ссылки в Сибирь, но из-за нервного потрясения у нее случился инсульт. С тяжелым параличом была отправлена в тюремную больницу Дома Предварительного Заключения.

В мае 1931 — к Екатерине Павловне Пешковой обратился за помощью Анатолий Иванович Крамской, брат Софьи Ивановны Юнкер-Крамской.

<15 октября 1931>

«Глубокоуважаемая Екатерина Павловна.

Позволяю себе препроводить Вам нашу просьбу, нас, братьев Крамских, сыновей известного художника Крамского (1837 – 1887 г<оды>), относительно смягчения участи нашей сестры, Софии Ивановны Юнкер-Крамской.

Позволяю себе просить Вас отнестись благожелательно к обстоятельствам, изложенным в нашем заявлении.

А. И. Крамской.

15/V 31.

*Ленинград, ул<ица> Восстания, 9, кв. 3.
Анатолий Иванович Крамской»¹.*

19 мая 1931 — Софья Ивановна Юнкер-Крамская была отправлена по этапу в Иркутск, работала как иллюстратор учебников и колхозных журналов. В июне переведена в Канск, работала художником в местной газете и ретушером в фотолаборатории.

25 июня 1931 — Анатолий Иванович Крамской вновь просил помощи Екатерины Павловны Пешковой.

«Товарищ Пешкова.

В дополнении к заявлению нашему по вопросу о смягчении приговора ОГПУ относительно Юнкер-Крамской, сестры нашей, Крамских Николая и Анатолия Ивановичей, сообщая, что сестра выехала в Иркутск 19 мая

¹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 603. С. 385. Автограф.

1931 г. По приезже в Иркутск первоначально она осталась в этом городе, исполнила работу по составлению плаката для одного гос учреждения; но затем ей было объявлено, что она пересылается в гор Канск, откуда последует дальнейшее назначение.

Вследствие, однако, болезненного состояния сестры (два свидетельства при сем прилагаю), позволяю обратиться к Вам с просьбой, не найдена ли будет возможность оставить сестру на проживание в Иркутске, а не в каком-нибудь малонаселенном пункте. В Иркутске сестра может получить необходимую медицинскую помощь, а также какую-то работу по своей специальности, как художника, и своей полезной работой.

Кроме того, позволяю себе обратить Ваше внимание на преклонный возраст сестры (ей 60 лет).

А. И. Крамской.

25/VI 31.

Ленинград, ул<ица> Восстания, 9, кв. 3.
Анатолий Иванович Крамской»².

В августе 1931 — Софья Ивановна Юнкер-Крамская была переведена в Красноярск, где после второго инсульта обездвижила, став инвалидом. В октябре 1931 — обратилась за помощью к Екатерине Павловне Пешковой:

<15 октября 1931>

«Высокоуважаемая Екатерина Павловна, простите, если изложение моего дела, моей просьбы будут несколько запутаны, но я только что перенесла вторичный удар и я лежу в больнице. Хочу Вам поведать то, что впрочем уже Вы немного знаете: я, дочь художника Крамского, Вам, конечно, слишком известного и как великого художника общественника — и как первого художника-революционера (восстание академии худож в 64 г) основавшего первую артель-коммуну художников, основателя передвижников, жившего почти всю свою жизнь под надзором полиции. Я, дочь его, не могу быть "чуждым" элементом сов страны уже по одному тому, что, как и он, испытала на себе все унижения художников того времени от всех "работодателей" прежнего режима. Я пережила все эти оскорбления, унижения и презрение. Я работала самостоятельно с 18-19 летнего возраста — и по день ареста в декабре. Зарабатывала свое существование и последние 13 лет служила: 1) в Главнауке в худ<ожественно>-рест<аврационной> мастерской по антирелигиозным музеям для провинции и 2) 5 лет в Академии наук как художник при музеях, последние годы, главным образом, по устройству антирелигиозного музея Зимнего Дворца (более 150 картин, рисунков и т д), иллюстрировала "Историю религии" для изд "Атеист" в Москве. Устроила с братьями моими и покойным мужем моим, прис повер Германом Юнкер, и несколькими представителями гор Острогжска (Вор губ) культурно-просветительское сооружение "Музей имени Крамского" на его родине в гор Острогжске. Я, вдова прис повер Герм Юнкера, работавшего всю жизнь над большим трудом "История декабристов", принимавшая с ним участие в этом труде — я не могу быть вредным, чуждым элементом и не понимать грандиозности и величия событий нашей страны, не могу, да и не была таковой! Помогите мне! меня выслали в начале мая — в Иркутск, но со мной случился удар в ДПЗ; свезли в изолятор ДПЗ, где врачи признали тромбоз мозговых сосудов, — из изолятора я была освобождена. Но через неделю получила приказание выехать в Иркутск, куда и поехала больная. В Иркутске сначала меня

² ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 603. С. 380 об. Автограф.

оставили, и я сейчас же нашла работу по иллюстрации учебников и колхозных журналов ОГИЗа (там художников не было), но через 3 недели велели выехать в Канск. Там я тоже начал работать и в местной газете (клише, портретов), и в фотографии, как ретушер, и даже начала поправляться, хотя положение моего здоровья — вообще было признано и в Иркутске (профессорами по нервным и хирург болезням) Коммунального медицинского института более чем серьезным, в виду подозрительных к тому же признаков моего прежнего ракового заболевания. В Канске мне стало временно лучше, мне давала бодрость возможность работы, работы, к которой я так привыкла. В Канске комиссия врачей и рабочего контроля дали мне удостоверение такое безнадежное, что меня оставили в городе, не высылая в район. Через месяц — меня перевезли в Красноярск, где со мной дорогой случился 2-й удар, — и я теперь лежу без ноги ("поражение левой части туловища — гемипарез; порок сердца; рубец после иссечения раковой опухоли"). Все эти свидетельства врачей мною представлены в ОГПУ — и я умоляю помочь мне! Если нельзя мне вернуться домой, если нельзя меня, как калеку, полного инвалида, — помиловать, то оставьте меня в городе, хотя бы здесь, в Красноярске, — и если возможно мне хоть немного поправиться, то поработать по своей специальности. Я пишу и портреты, и плакаты, лозунги, афиши, вывески, иллюстрации, знаю фотографическую ретушь, раскраску фотографий, языки, я работать могу, люблю. О моей рабочей жизни Вам может подтвердить Елена Дмитриевна Стасова, с отцом которой был так дружен мой покойный муж и работал с ним в Совете присланных лет 30. О музее Крамского Вам тоже могут дать сведения и она, и товарищ Луначарский. Я не знаю что мне больше сказать! Я могла делать ошибки в своих суждениях, могла что-нибудь не так правильно оценивать, могла криво судить о положении вещей, но преступления я не совершала никакого — и сознательно так горячо любя свою страну, после смерти мужа (он был финляндским подданным) — переменила свои бумаги на русские, подписав тогда уже отказ от каких бы то ни было претензий на имущество. Было даже смешно поступить иначе... Помогите мне! Я написала просьбу о помиловании М.И. Калинину. Я прошу Вашего содействия. Я оправдаю милость, если мне она будет дарована, могу уверить в этом Вас. Я честно проработала 40 лет. Тяжко последний, быть может, очень короткий срок чувствовать себя так наказанной. Простите за многословие, не сетуйте. Я собрала последние силы, чтобы написать Вам все это.

С глубоким уважением,
художник Софья Ивановна Юнкер-Крамская.

Все удостоверения врачебных комиссий я послала Калинину»³.

28 февраля 1932 — было возбуждено ходатайство о пересмотре дела Юнкер-Крамской в связи с неизлечимой болезнью, а также в связи с тем, что ссыльная «не представляет... социальной опасности».

В марте 1932 — по ходатайству Е. П. Пешковой освобождена из ссылки со свободным проживанием, 25 марта вернулась в Ленинград. В июне 1932 — отправила Е. П. Пешковой благодарственное письмо.

<13 июня 1932>

«Высокоуважаемая Екатерина Павловна,

Вы разрешите мне послать Вам эти несколько строк. Меня освободили! Если бы Вы только знали, каким чувством глубокой

³ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 603. С. 377-377 об. Автограф.

благодарности полны мои мысли и душа. Я не знаю, простите, право не знаю, полагается ли мне писать вообще о моем чувстве признательности, но я следую своей внутренней потребности это сделать... Вы не посетуйте на то, что я делаю это, если это не полагается, я не знаю, но не последовать душе этой потребности было невозможно! Я снова здесь, в Ленинграде, где прошла моя длительная рабочая жизнь — и теперь я снова, быть может, буду в состоянии начать работать хоть немного, насколько позволят мне мои силы, которые восстановятся во мне с сознанием возможности снова работать! Я не знаю даже, кому мне говорить о том, что я чувствую, и как я признательна. Но, думая, что сделалось все это через Высокое учреждение, которого являетесь Представительницей, — я пишу Вам. Ну, это даже ни Вам, никому не будет нужно, пусть это не принято, пусть это не полагается — я все же повторяю: я беспредельно благодарна, что поверили и моему искреннему раскаянию, и моей порядочности старого общественного работника, и моему горячему желанию загладить работой мои какие бы то ни было оплошности и несознательные заблуждения. И хотя я, конечно, очень больна еще и слаба, но, сколько мне позволят воспрянувшие силы — то оставшееся мне время до неизбежного конца я смогу употребить на реабилитацию моего рабочего имени, как самой по себе, так и как дочери Крамского.

Еще раз прошу простить меня, если я делаю что-либо, выходящее из рамок допускаемого.

С глубоким уважением,

Художница А. Ф. Юнкер-Крамская»⁴.

В 1933 — Софья Ивановна Юнкер-Крамская скончалась при странных обстоятельствах; якобы, она уколола палец, когда чистила селедку, и, по словам брата, "умерла от рыбьего яда (??)"⁵.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 772. С 199. Автограф.

⁵ Знаменитая Незвестная: трагическая судьба дочери великого художника.